

Марина Цветаева в своё время говорила о стихах, написанных «при свете совести». Стихи Валдиса Крумгольда написаны при свете смерти. Именно при свете, а не «при мраке», как, наверное, можно было бы предположить. Приговорённый страшным диагнозом (рак крови) умереть ещё в подростковом возрасте, он дожил до 27-ми лет (жутковатое и символическое число, если вспомнить о «клубе 27-ми», например) и последние три года своей недолгой (и при этом парадоксально долгой) жизни писал стихи. С 1982-го по 1985-й.

Логично было бы ждать от лирики, созданной в подобном биографическом контексте, мотивов тоски, беспросветности, безвыходной депрессии. Меж тем стихи удивительно жизнеутверждающи и именно что — просветлённы. При знакомстве с ними у меня возникла неочевидная параллель с творчеством харьковского поэта Александра Литвинова (более известного как музыкант Веня Д'ркин), который тоже знал о своём приговоре и тоже до самого конца сочинял на первый (и только на первый) взгляд весёлые стихи и песни, в которых, однако, всегда сквозила нота щемящей (и здесь это слово далеко перерастает критический штамп) грусти — грусти расставания.

Обострённое ощущение смертности — стержневая эмоция стихов Крумгольда. Но выражена она не на смысловом уровне, а скорее просодически, внутрстиховой музыкой. Многие стихи явно апеллируют к традиции хокку — к чистым отфильтрованным мессэджам, к поэтической мудрости. Вот поэт, отрицая экзистенциалистское «другие — это ад», утверждает, что «другой» — это мощнейшее средство остранённого самопознания: «Я смотрю на тебя / Когда мне надо / Посмотреть на себя со стороны». А вот он провозглашает естественность и соприродность главного человеческого чувства: «Я люблю тебя так, / Как сосна растёт — / Тихо,

неудержимо». А вот, как бы замыкая временной круг, отправляется с сыном (будущее) искать своё детство (прошлое) — лирический герой этого кажущегося на редкость простым стихотворения оказывается двусторонним зеркалом времени:

*Сын!
Дай мне руку.
Пойдём искать радугу —
Мне её не найти
Без твоей помощи.*

*Ведь для меня небо —
Щит,
От космоса
Нас защищающий.*

*А для тебя —
Голубой лист,*

*На котором
Твоё воображение
Сказки рисует...*

*Пойдём искать радугу,
А не спектр,
Пойдём искать радость,
Которую ты сможешь спеть,
А я не смогу повторить...*

*Пойдём искать
Моё детство
У подножия твоей зари.*

Смерти как таковой здесь вроде бы и нет. Как точно отметил сын поэта, в стихах Крумгольд ни разу не упоминает об этом трагическом моменте столкновения с собственной смертностью, хотя вся его поэзия вышла именно из этого переживания. Но тонкоуловимая (не)готовность исчезнуть из мира слышится чуть ли не в каждой строке. И это состояние при-смертия вызывает обострённое,

остранённое, незамутнённое мировосприятие, свойственное ребёнку: «А интересно, из чего / Получается клюква?» Такой взгляд способен увидеть в снежинке «новое мироздание». Сама боль, когда «душа, / равняясь со Вселенной, / висит / На кончике пера», становится для лирического субъекта стихов Крумгольда — обезболивающим, залогом единства с миром и импульсом к творчеству. «Стихи слагаются о боли, / и больше нет на свете тем», писал один из героев этой книги Борис Габрилович. В случае Крумгольда — стихи слагаются «от боли», но не о боли, а о её преодолении. И хотя сама «боль» упоминается неоднократно — она самым своим упоминанием изживается, что позволяет говорить о стихах Крумгольда как о стихах-заклинаниях: «В белом до боли яблоня», «Мне больно смотреть / Как чёрно-белое совершенство / Мельтешит над пресной водой». В этой парадоксальной поэтике сама смерть становится средством и способом сохранения жизни в самой её сердцевине — любви: «Я хочу, я должен / Раньше тебя / Уйти в вечность / Чтобы наше вечное / Осталось мне навечно». Вооружённый этой просветлённой мудростью лирический субъект Крумгольда предстает как некий анти-Икар, который не падает, но возвращается на землю «по лесенке стиха». «Лесенка» здесь — явный привет Маяковскому, под строчками которого — «мельчайшая пылинка живого / ценнее всего, что я сделаю и сделал!» (как и под многими другими) Валдис Крумгольд, думается, подписался бы. О Маяковском (его Крумгольд в анкете назвал любимым поэтом наряду с Пастернаком), кстати, напоминает и тема памятника, реализованная в гиперболически-патетическом ключе: «Боюсь, что не хватит мрамора / На мой памятник... / Геологи, засучите рукава!».

Трудно не заметить, что основной цвет стихов Крумгольда — белый. Его стихи — это настоящее «царство белизны». Для него это цвет скорее простора, а не пустоты, возможности заполнения, а не исчезновения, парадоксальной воспроизводимой уникальности: «Контуры белого берега / Отчерчивают фонари, / Белое повторяет бережно, / То, что нельзя повторить». Белизна как цвет изначальности «утепляет» мир, взыскующий заселения — людьми, словами, взглядами, улыбками и слезами: «Так бело на белом свете, / Что кажется тёплым снег».

Так стартовый биографический лейтмотив ухода («Переболею белым-белым / И уйду успокоенный в ночь») — осторожно, бе-

режно, естественно и ненавязчиво замещается Крумгольдом лейт-мотивом возвращения (тут мне чисто интуитивно хочется провести параллель с одноимённым рассказом Андрея Платонова), ибо ничто единожды обозначившее себя на белом свете не исчезает. И возвращение это трактуется как самоотождествление, обретение чаемого равенства с самим собой:

*На возвращение нанизаны
пейзажи*

<...>

*И мой восторг так чист
и прост:
Я возвращаюсь, я к себе всё
ближе.*

В другом стихотворении Крумгольд высказывается о причудливой диалектике жизни и смерти ещё более прямо и недвусмысленно:

*Да я умру
Но эту неизбежность
Я не поставлю
С жизнью в ряд
Пока я жив
Я бессмертен
А после пусть
Другие говорят.*

Примечательно, что фамилия поэта в переводе с немецкого означает «кустарник, скрученный ветром». Впад в свойственный многим пишущим о поэзии грех экстраполяции всего на всё, можно сказать, что именно таков Крумгольд-поэт — скрученный страданием (в котором, по известному изречению Достоевского, «есть идея»), при всей своей устремлённости к небу он крепко держится за землю, за «белый свет», попутно дружелюбно изучая «скручивающие» его «ветра». Этот образ подтверждает тезис о том, что Крумгольд пришёл к поэзии из-за страха потери

контроля над собой — тезис неоднозначный, но заслуживающий внимания.

Конечно, никакой идиллии здесь нет: в жизни Крумгольд был «самоедом», много пил, угрюмствовал. Но кажется, к нему в полной мере подходят известные строчки Блока: «Простим угрюмство — разве это / сокрытый двигатель его? / Он весь — дитя добра и света, / Он весь — свободы торжество!» Добро, свет, торжество свободы, понятой как освобождение, как раз и видятся мне «сокрытым двигателем» поэзии Крумгольда. Именно добро и свет «оцельняют» в зримое единство мерцательно амбивалентный образ лирического героя Крумгольда.

Сын поэта Раймонд Крумгольд в удивительном по сочетанию сдержанно-отстранённого тона (объективирующее обращение к отцу на «вы») и ощутимо кипящего под ним нерва раскалённого волнения, сосредоточенной мысли и подспудных эмоциональных всплесков тексте «Тень отца»¹ пишет: «Вы были никому не известны... Но для меня было очевидно, что вы просто не успели. Вы умерли перед самым взлётом, уже показав свой потенциал». Действительно, можно только гадать, в какую сторону двинулось бы творчество поэта, отпусти ему судьба побольше времени. Но очевидно, что даже в рамках трёх лет творческой активности эволюция Крумгольда была на удивление стремительной (от наивных и пафосных стихов к оформлению собственной поэтической философии) и не было никаких предпосылок к тому, чтобы эти обороты снизились в дальнейшем. Но — если бы да кабы...

Валдис Крумгольд максимально далёк в своих стихах от какого-либо поучительства и дидактизма. Но сами его стихи учат жить, любить, умирать и прощать — «прощать так, / Как прощают ветер, / Испортивший причёску». Хочется верить, что его поэзия встретит вдумчивого читателя-собеседника.

¹ Крумгольд Р. Тень отца (Фрагмент сожжённого письма) // URL: <https://katab.asia/2015/12/24/shadow/>. Все цитаты, принадлежащие сыну Валдиса Крумгольда, приводятся в статье по этому источнику.